

Внутренний религиозный опытъ въ дѣлѣ изслѣдованія и апологіи христіанства.¹⁾

IV.

Имѣть религиозный опытъ, познавать религиозныя истины чисто внутреннимъ путемъ возможно, конечно, только тогда, когда Богъ дѣйствительно воздѣйствуетъ на чело-
вѣка, когда и человекъ внутренно ощущаетъ и восприни-
маетъ эти воздѣйствія Божества. Какъ внѣшній міръ нельзя
познать, если онъ не будетъ дѣйствовать на органы человѣче-
скихъ внѣшнихъ чувствъ, такъ и міръ сверхъчужденный,
духовный не можемъ мы познать, если онъ не будетъ из-
вѣстнымъ образомъ дѣйствовать на органъ нашего духовна-
го вѣдѣнія—религиозное чувство. Нельзя, разумѣется, тре-
бовать, чтобы эти воздѣйствія на человека Божества и по-
лучающіяся отъ нихъ ощущенія и воспріятія были у всѣхъ
тождественны: могутъ они быть и различны, и различіе это
обусловливается нравственнымъ состояніемъ самого чело-
вѣка, его индивидуальными психическими особенностями и
другими обстоятельствами. Все дѣло въ томъ, чтобы ощу-
щенія эти были реальны, необманчивы; но если это есть,
тогда, разумѣется, такія ощущенія имѣютъ и должны имѣть
несомнѣнную важность и убѣдительность для человека: вѣдь
говорятъ они о томъ, что къ внѣшнему міру отношенія не
имѣетъ,—значитъ не отъ этого внѣшняго, физическаго міра
они и происходятъ; получаютъ они не чрезъ зрѣніе или
слухъ или другія внѣшнія чувства человека, а чрезъ чув-
ство внутреннее,—значитъ и источникъ ихъ въ томъ, что
имѣетъ соприкосновеніе съ внутреннимъ религиознымъ чув-
ствомъ человека. Многимъ, вѣроятно, извѣстно простѣйшее
воздѣйствіе благодати, ощущеніе близости къ намъ Боже-

¹⁾ См. Труды Кіевск. Дух. Акад., 1912 г., октябрь.

ства, бывающее послѣ особенно усердной, горячей молитвы, послѣ какого либо добраго дѣла, еще чаще—послѣ причащенія Св. Таинъ или принятія другихъ таинствъ; кто наблюдаетъ за собою, тотъ знаетъ, что тогда въ душѣ чело-вѣка бываетъ какое-то особенное ощущеніе мира, покоя, тихой, хотя глубоко проникающей радости, какого-то внутренняго просвѣтлѣнія, полной преданности Богу и добраго отношенія къ ближнимъ, бываетъ даже сознаніе своей близости къ Богу и нѣкотораго дерзновенія къ Нему¹⁾; это—плоды духа, о которыхъ говоритъ ап. Павелъ²⁾; это—царство Божіе внутри насъ³⁾. Такое состояніе въ душѣ чело-вѣка бываетъ, правда, только по временамъ; но чѣмъ чище чело-вѣкъ, чѣмъ онъ выше по своему нравственному строенію, тѣмъ это состояніе внутренняго покоя и радости должно быть въ душѣ его и сильнѣе, и чаще, и продолжительнѣе, и можетъ быть даже постояннымъ⁴⁾; чело-вѣкъ реально чувствуетъ въ себѣ присутствіе и дѣйствіе Божества. Но здѣсь вопросъ въ томъ, всегда ли внутренній миръ, покой и радость говорятъ намъ о близости нашей къ Богу. Ошибки, разумѣется, возможны. „Трепетныя обрадованія,—говоритъ еп. Теофанъ затворникъ,—особенно сопровождаемые прыж-ными движеніями и въ тѣлѣ, небезопасны; за ними надобно смотрѣть строго: они могутъ быть и натуральныя (т. е. могутъ происходить отъ различныхъ внутреннихъ, но чисто физическихъ видоизмѣненій въ организмѣ, и потому ничего благодатнаго въ себѣ не заключаютъ), могутъ быть они и отъ врага (когда эти движенія возбуждаются вслѣдствіе какихъ либо нечистыхъ помысловъ)“⁵⁾. А если бываютъ та-

¹⁾ Ср. Еп. *Теофанъ*. Письма о духовной жизни, стр. 124, 132, 244—245, 246.

²⁾ Гал. 5, 22.

³⁾ Рим. 14, 17.

⁴⁾ Ср. Еп. *Теофанъ*. Письма о духовной жизни, стр. 246.

⁵⁾ *Ibid*, стр. 124, 246

кія „обрадованія“, то возможны, конечно, и различныя душевныя впечатлѣнія отъ нихъ; и къ нимъ, разумѣется, нужно относиться осторожно: нельзя иногда отрицать (особенно у начинающихъ свою духовную жизнь) возможности чисто субъективной, узкой и потому превратной оцѣнки своихъ душевныхъ впечатлѣній, нельзя отрицать возможности принятія за воздѣйствія Божества того, что вовсе не есть воздѣйствіе Божества, а составляетъ просто личныя переживанія человѣка, зависящія отъ всевозможныхъ причинъ (натуральныхъ, или болѣзненности, или фантазіи), часто незамѣчательныхъ и неуловимыхъ; а если еще эти переживанія неясны, неотчетливы, тогда возможность ошибокъ и заблужденій только возрастетъ. Исторія и жизнь даютъ намъ подтвержденіе этого: знаемъ мы, напр., что Филонъ и Плотинъ выдавали свои экстагическія состоянія за дѣйствія въ нихъ Божества; Монтанъ и все общество послѣдователей его (монтанисты) считали себя какими-то органами верховнаго Существа; хлысты, скопцы и нѣкоторые другіе наши сектанты свой субъективный экстазъ выдаютъ за воздѣйствіе въ нихъ Божества. Едвали рѣшится кто отрицать, что ничего благодатнаго въ нихъ не было, и подтвержденій тому можно много найти. Но и это еще не все: можно преткнуться на воображеніи, „по неосторожности можно застрасть на немъ“, дойти до самопрельщенія и развить въ себѣ визионерство¹⁾. Вотъ какъ изображаетъ подобнаго рода состояніе преп. Симеонъ новый Богословъ: бываетъ, что человѣкъ, „стоя на молитвѣ и воздѣвая на небо руки свои и очи свои и умъ свой, держитъ въ умѣ божественныя помышленія, воображаетъ блага небесныя, чины ангеловъ и обители святыхъ, и кратко все, слышанное въ Божественныхъ Писаніяхъ, собираетъ въ умъ свой и разсуждаетъ о томъ тогда, во время молитвы, зря на небо, и подвигаетъ

¹⁾ Ibid, стр. 153.

тѣмъ душу свою къ вождельнiю и любви Божiей, а иной разъ извлекаетъ даже слезы и плачетъ“¹⁾. Во всемъ этомъ, разумѣется, еще ничего ни обманчиваго, ни неестественнаго нѣтъ. „Но если кто на этомъ одномъ образѣ молитвы останавливается, то бываетъ, что мало по малу молящiйся такъ начинаеть кичиться въ сердцѣ своемъ, самъ того не понимая; ему кажется, что дѣлаемое имъ есть отъ благодати Божiей въ утѣшенiе ему, и онъ молитъ Бога сподобить его всегда пребывать въ такомъ дѣланiи; а это (т. е. такъ думать о семъ образѣ молитвы) есть знакъ прелести, ибо добро уже не добро, когда не бываетъ добрымъ образомъ и какъ слѣдуетъ. Такой человекъ, если убезмолвится крайнимъ безмолвiемъ (т. е. сдѣлается исихастомъ, у насъ—затворникомъ), то ему едвали можно не изступитъ изъ ума; но если и случится, что не изступитъ онъ изъ ума, все же невозможно ему будетъ стяжать добродѣтели или безстрастiе. На этомъ пути стоя, прельщаются и тѣ, которые видять свѣтъ тѣлесными очами своими, обоняютъ благовонiя обонянiемъ своимъ, слышать гласы ушами своими и подобное; нѣкоторые изъ такихъ избѣсновались и въ безумiи ходять съ мѣста на мѣсто; другiе прельстились, принявъ діавола, преобразившагося и явившагося имъ въ видѣ ангела свѣта, а они того не распознали и остались неисправимыми до конца, не хотя слышать совѣта ни отъ какого брата; иные изъ такихъ сами себя лишили жизни, бывъ подвижники на то діаволомъ; иные бросились въ пропасть; иные удавились. И кто можетъ пересказать разныя прелести, какими прельщаетъ ихъ діаволь, когда они неисчислимы?“²⁾. Вотъ почему отцы церкви часто предостерегали на счетъ всякаго рода видѣнiй, убѣждали вѣрующихъ внимать себѣ, не питать къ какимъ либо видѣнiямъ особеннаго распо-

1) Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 180.

2) Ibid., стр. 180—181.

жения и лучше совѣмъ не принимать ничего, что бы ни при видѣлось человѣку: опытные подвижники, пожалуй, съумѣютъ отличить всякое истинное видѣніе отъ разныхъ видѣній ложныхъ и призрачныхъ; но вѣдь большинство—люди неопытные,—нужно ихъ-то предохранить отъ тѣхъ страшныхъ опасностей, о какихъ говоритъ преп. Симеонъ: вѣдь прельщаетъ людей не только фантазія; и *самъ сатана прикидывается видѣ ангела свѣта* ¹⁾; „подъ видомъ откровеній отъ Бога иногда изводитъ онъ на среду прелесть свою и въ сновидѣніяхъ показываетъ что либо человѣку, а во время его бодрствованія преобразуется и является въ видѣ свѣтлаго ангела, устраиваетъ козни, обманы и ухищренія, которыми и сильныхъ и крѣпкихъ увлекаетъ въ погибель, и дѣлаетъ все, чтобы придти въ возможность мало по малу убѣдить человѣка и хотя нѣсколько привести въ согласіе съ собою и чтобы человѣкъ преданъ былъ въ руки его“ ²⁾. Св. Исаакъ Сиріянинъ передаетъ, какъ нѣкоему Малпасу, слышавшему отъ великихъ подвижниковъ о духовныхъ тайнахъ, созерцанія которыхъ можетъ сподобиться душа, и желавшему увидѣть эти тайны самому и для того предпринимающему цѣлый рядъ подвижническихъ упражненій, но не стяжавшему главнаго—смиренія, „явился діаволъ въ безмѣрномъ свѣтѣ, говоря: я—Утѣшитель и посланъ къ тебѣ отъ Отца, чтобы сподобить тебя видѣть созерцаніе, котораго желаешь за дѣла свои, дать тебѣ безстрастіе и на будущее время упокоить теби отъ дѣлъ. Взамѣнъ же сего злокозненный потребовать поклоненія у сего бѣднаго. И эготъ объюродѣвшій, поелику не ощутилъ брани лукаваго, немедленно съ радостію принялъ его и поклонился ему и тотъ же часъ сталъ подъ властію его“ ³⁾. Другого человѣка Аси-

¹⁾ 2 Кор. 11. 14.

²⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 309, 335. Ср. Слова преп. Симеона этого Богослова, вып. 2, стр. 181.

³⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 335—336.

наса, „проводившаго высокое житіе, діаволъ обольстилъ, вывелъ изъ келліи его и поставилъ на верху горы, заключилъ съ нимъ договоръ, показалъ ему образъ колесницъ и коней и сказалъ ему: Богъ послалъ меня поить тебя въ рай, какъ Ілію. И какъ скоро вдался тотъ въ обманъ младенческимъ своимъ разумомъ и взошелъ на колесницу, разрушилась вся эта мечта, низринулся онъ съ великой высоты, упалъ оттуда на землю и умеръ смертію достойною смѣха“¹⁾. Возможны, значитъ, ошибки, возможны заблужденія. Конечно, если вести рѣчь о чисто естественномъ или какомъ либо патологическомъ экстазѣ, то этотъ экстазъ не трудно распознать по вѣшнимъ признакамъ его²⁾. Но и помимо этихъ исключительныхъ состояній возможно бываетъ иногда принять за божественное воздѣйствіе то, что происходитъ вовсе не отъ Божіей воли. Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ ощущеніе божественнаго воздѣйствія, постиженіе духовныхъ тайнъ, нужно, смѣловательно, умиѣть отличать божественное отъ небожественнаго, отъ всякихъ субъективныхъ переживаній и отъ вражескихъ внушеній; нужна бываетъ для этого серьезная провѣрка себя и своего внутренняго состоянія, нужна нерѣдко самая строгая критика своихъ внутреннихъ переживаній. Но изъ чего же должна исходить такая критика, какъ можно себя провѣрить, какъ анализировать тѣ впечатлѣнія, какія можемъ мы считать за воздѣйствія на насъ самого Божества? Частности, разумѣется, опредѣляются самымъ содержаніемъ внутреннихъ нашихъ переживаній и потому едва ли могутъ быть опредѣлены теоретически; но общіе принципы провѣрки и критики нашихъ внутреннихъ впечатлѣній даютъ намъ отцы церкви: они говорятъ, что признакъ,

¹⁾ Ibid./стр. 336.

²⁾ Ср., напр., Zahn. Einführung in die christliche Mystik, Paderborn, 1908, S 495.

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. III, 1912 г.

по которому возможно распознать истинное воздѣйствіе на человека Божества, есть согласіе полученнаго человекомъ впечатлѣнія съ словомъ Божиимъ;—указаніе совершенно аналогичное завѣщанію ап. Іоанна Богослова¹⁾. И критерій это, разумѣется, самый надежный: вѣдь тѣ истины нашей религіи, какія можно познавать внутреннимъ религіознымъ опытомъ, прежде всего записаны въ Свящ. Писаніи; насколько внутреннее воздѣйствіе Божества есть нашъ внутренній учитель въ дѣлѣ вѣры христіанской, настолько записанное слово Божіе есть внѣшній учитель нашъ, внѣшнее объективное свидѣтельство въ истинности нашей религіи; то и другое не могутъ идти порознь: должны они другъ друга поддерживать и восполнять; и конечно то, что переживаемъ мы внутри, должно быть совершенно согласно съ внѣшнею записью его въ словѣ Божиемъ; внутреннее наше должно подтверждаться и провѣряться съ этимъ внѣшнимъ. Это—первое. Затѣмъ, еслибы мы желали подвергнуть провѣркѣ или критической оцѣнкѣ свои обычныя житейскія впечатлѣнія, мы провѣряли бы ихъ по впечатлѣніямъ другихъ людей (съ устныхъ ли ихъ разсказовъ или изъ книгъ); естественно и получаемое путемъ внутренняго религіознаго опыта провѣрять по даннымъ религіознаго же опыта другихъ носителей религіозной жизни и преимущественно совершеннѣйшихъ изъ нихъ,—по твореніямъ, напр., отцовъ и учителей христіанской церкви, по сочиненіямъ и другихъ духовноодаренныхъ людей. Вѣдь всѣ они въ совокупности являются для насъ носителями *коллективнаго* религіознаго опыта; коллективное, разумѣется, много прочтѣе и вѣрнѣе, чѣмъ только единичное, личное; и коллективный религіозный опытъ можетъ и провѣрить, и разъяснить, и иногда даже восполнить недостатки опыта единичнаго. Въ этомъ отно-

¹⁾ 1 Іоан. 4. 1—3.

шенія не одно слово Божіе, но и творенія церковныхъ писателей и другихъ достойныхъ почитанія лицъ можно считать критеріемъ, по которому слѣдуетъ провѣрять наши собственныя внутреннія религиозныя переживанія; разъ наши личныя впечатлѣнія согласны съ свидѣтельствами слова Божія, разъ они совпадаютъ съ сообщеніями церковныхъ писателей и другихъ благочестивыхъ мужей, то мы вправѣ заключить, что и въ насъ происходитъ не что либо натуральное, обманчивое или опасное, а нѣчто высшаго свойства, имѣющее объективную и исключительную цѣнность.

При такой реальности внутреннихъ религиозныхъ переживаній, при такой ихъ глубинѣ и широтѣ, понятно, какое могучее вліяніе должны они оказывать на вѣрующаго человѣка, какую громадную силу должны они представлять для того, кто дѣйствительно живетъ истинно-религиозною жизнью, кто въ своемъ личномъ религиозномъ опытѣ реально воспринимаетъ воздѣйствіе сверхъчужденнаго міра и переживаетъ ихъ въ себѣ. Такого человѣка религиозныя переживанія могутъ и должны совершенно преобразовать. Подъ ихъ вліяніемъ самыя естественныя силы и способности человѣка должны достигать высшаго своего развитія; разумъ человѣка долженъ просвѣтлѣть; на все такой человѣкъ долженъ смотрѣть гораздо болѣе широкимъ взглядомъ, съ высшей, идейной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія самыхъ дорогихъ и высокихъ для человѣка идей, знанія человѣка въ области предметовъ вѣры христіанской должны проясняться; трудныя, запутанныя для естественнаго разума вопросы должны представляться ему ясными и понятными; воля человѣка должна укрѣпляться, и укрѣпляться въ самомъ лучшемъ смыслѣ, въ смыслѣ неуклоннаго слѣдованія святымъ, религиознымъ идеаламъ; чувство человѣка должно очищаться отъ всякой привязанности къ низменному и направляться къ болѣе высокому, прочному и вѣчному. Реальное осуществленіе всего этого мы и видимъ въ св. подвижникахъ,—въ

людяхъ, которые жили исключительно *жизнію въ Богу*, тѣснѣйшимъ нравственнымъ союзомъ и единеніемъ съ Творцомъ. И мы должны понимать, почему эти отцы и учителя наши обладали чрезвычайно широтою, глубиною и ясностью духовнаго разумѣнія, почему они имѣли даръ даже прозрѣнія, и притомъ не только въ области религіозной, но и въ области самыхъ обыденныхъ житейскихъ вещей или историческихъ обстоятельствъ; они и въ Св. Писаніи видѣли и читали гораздо больше, чѣмъ обыкновенные люди, уразумѣвали его гораздо глубже и яснѣе, чѣмъ даже ученые комментаторы: такихъ толкованій на книги и мѣста Св. Писанія, какъ напр. Златоуста, по глубинѣ и точности мысли не было и нѣтъ среди новѣйшихъ ученыхъ экзегетическихъ трудовъ при всемъ ихъ вѣщивемъ ученоемъ аппаратѣ. Отцы и учителя церкви въ твореніяхъ своихъ уяснили для насъ таинственное и непостижимое, вводили насъ въ глубочайшія тайны религіи; и понятно, почему въ исторіи христіанства время великихъ подвиговъ, высокихъ образцовъ нравственнаго совершенства было вмѣстѣ и золотымъ вѣкомъ развитія христіанскаго богословія; между тѣмъ и другимъ прямая генетическая связь: знанія свои отцы церкви почерпали не изъ школъ, а нѣкоторые изъ нихъ ни въ какихъ школахъ не учились, а между тѣмъ восходили на высоту христіанскаго религіознаго вѣдѣнія. Для нихъ самихъ все въ христіанствѣ было ясно, явно и открыто; ихъ собственная вѣра была, какъ говоритъ св. Исаакъ Сиріянинъ, „вѣрою созерцательною“¹⁾; это не была наша „вѣра въ невидимое, какъ бы въ видимое, въ желаемое и ожидаемое, какъ бы въ настоящее“; это было „духовное *вѣдѣніе*“, *знаніе* его внутреннимъ сердечнымъ воспріятіемъ, „ощущеніе всего этого невидимаго и сокровеннаго“²⁾,—ощущеніе до

¹⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 487.

²⁾ Ibid.

того реальное, что „невидимое для нихъ было видимо и неосязаемое было осязаемо“¹⁾; такая наглядность созерцанія составляетъ, конечно, идеаль, доступный далеко не для каждаго,—однако возможный для человѣка облеченнаго плотію. Сравнительно съ нашею вѣрою, вѣра св. угодниковъ Божіихъ была „иная вѣра, не противная вѣрѣ первой, но утверждающая ту вѣру: дотолѣ былъ слухъ, а теперь созерцаніе; созерцаніе же несомнѣннѣе слуха“²⁾. Понятно, далѣе, почему св. угодники обладали рѣдкою неутомимостью въ подвигахъ, часто крайне тяжелыхъ и еле возможныхъ,—почему все сердце ихъ устремлено было къ міру горнему, такъ что и на муки и на смерть многіе изъ нихъ шли какъ на брачный пиръ: дѣйствіе Бога въ сердцахъ ихъ и заслоняло все труды и невзгоды здѣшней земной жизни, и побуждало человѣка потерпѣть на землѣ, и призывало его къ скорѣйшему соединенію съ Богомъ и міромъ горнимъ...

Нигдѣ внутренней религіозный опытъ не имѣеть такого рѣшающаго значенія въ области религіи, какъ въ протестантствѣ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Въ каждой солидной протестантской апологетикѣ или догматикѣ непремѣнно есть или параграфъ или цѣлый отдѣлъ, трактующій о внутреннемъ религіозномъ опытѣ и значеніи его въ дѣлѣ апологіи христіанства. Кто, впрочемъ, знакомъ съ общимъ духомъ и строемъ и съ общими свойствами протестантскихъ исповѣданій, для того увлеченіе протестантизма внутреннимъ религіознымъ опытомъ должно быть понятнымъ. Въдѣ протестантизмъ проповѣдуетъ свободу въ области вѣры и свободу изслѣдованія религіознаго; его не стѣсняетъ ни писанное слово Божіе, ни преданіе церкви: послѣднее отвер-

¹⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 37, 39.

²⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 487.

гается, а первое предоставляется толковать, какъ кому угодно; ничего принудительнаго въ области религіозной, съ точки зрѣнія протестантизма, не должно быть; единственными мотивами въ области истины религіозной могутъ и должны быть не какія либо внѣшніи данныя или фактическія явленія, а внутреннія свидѣтельства самой религіозной истины, внутреннія убѣжденія самого духа человѣческаго. Только въ протестантизмѣ, поэтому, возможно то безконечное раздѣленіе на исповѣданія, секты, школы, какія мы видимъ въ исторіи его; только въ протестантизмѣ (или на почвѣ его) возможны всѣ „раціоналистическія“ пониманія и толкованія христіанства, какія породило намъ новѣйшее время: весь этотъ раціонализмъ, свободомысліе, свободовѣріе—въ духѣ протестантскаго исповѣданія. Неудивительно и то, если протестантскіе богословы постоянно ведутъ рѣчь о „внутреннемъ опытѣ“, о „внутреннемъ озареніи человѣка отъ Св. Духа“. Разумѣется, этотъ „опытъ“, это „озареніе“ выдвигаются ими не безпочвенно: ссылка дѣлается ими на Рим. 8, 16; 1 Іоан. 5, 6; Гал. 3, 1—5; 1 Кор. 2, 1—11 и нѣкоторыя другія мѣста новозавѣтнаго откровенія,—и высказывается, что каждому оправданному Христомъ отъ Бога подается Духъ Святой, что Духомъ Своимъ Богъ открываетъ человѣку все тайное и сокровенное, что Духъ свидѣтельствуемъ намъ о Христѣ и всемъ дѣлѣ Его, что Онъ свидѣтельствуемъ и о нашемъ спасеніи, оправданіи, богосынствѣ, что предъ глазами нашими предначертанъ Іисусъ Христосъ, — и потому, — слѣдуетъ дальнѣйшій выводъ, — каждый можетъ какъ угодно относиться къ истинамъ христіанскимъ, — Духъ Святой все-равно озаритъ его. И хотя нѣкоторые изъ протестантскихъ же ученыхъ (напр. Михаэлисъ) прямо признаются, что они въ жизни своей никогда не замѣчали такого озаренія ихъ отъ Св. Духа, тѣмъ не менѣе это „озареніе“ протестантское богословіе выставляетъ какъ фактъ, а ощущеніе человѣка отъ этого

озаренія уподобляетъ то инстинкту, посредствомъ котораго ребенокъ знаетъ и находитъ грудь своей матери (Твестенъ, Толюкъ, Пальмеръ, Ницшъ, Франкъ, Пейль), то ощущенію здоровья, являющемуся послѣ перенесенной болѣзни (Франкъ, Роте, Гесъ, Дорнеръ). Основанія, понятно, шаткія; на нихъ можетъ развиться субъективизмъ въ самыхъ широкихъ его формахъ; на нихъ вырождается мистицизмъ въ самыхъ крайнихъ, болѣзненныхъ размѣрахъ.

А съ другой стороны, нигдѣ внутренней религіозный опытъ такъ не суживается и не обезцѣняется, какъ въ католичествѣ. Причина и этого лежитъ опять въ духѣ и строѣ католическаго исповѣданія. Въ противоположность протестантству, католичество преслѣдуетъ всякую свободу религіознаго изслѣдованія: оно запрещаетъ мірянамъ даже читать Библию, даетъ вѣрующимъ готовую уже вѣру въ готовыхъ образцахъ и единственнымъ авторитетомъ въ дѣлѣ вѣры считаетъ только іерархію. Что же можетъ почерпать католикъ изъ своего *личнаго* религіознаго опыта, если бы онъ у него и былъ, и какое значеніе этотъ опытъ могъ бы имѣть для него въ дѣлѣ изслѣдованія истины религіи?

Отъ крайностей и католическаго и протестантскаго воззрѣнія на этотъ предметъ мы, разумѣется, далеки. Что мы высоко цѣнимъ внутренней религіозный опытъ христіанина, и именно опытъ *личный*, вопреки воззрѣнію на него католицизма,—это доказывается всѣми предшествующими нашими разсужденіями и выводами. Но нельзя низводить внутренней религіозный опытъ и къ тому, къ чему свели его протестанты. Никакому сомнѣнію не подлежитъ, что не въ каждомъ человѣкѣ Богъ устрояетъ свою обитель, не каждому и открывается Онъ; не каждый, слѣдовательно, можетъ имѣть и имѣеть *свой личный* внутренней религіозный опытъ. Не есть этотъ опытъ протестантскій „инстинктъ“, подобный тому „инстинкту, посредствомъ котораго ребенокъ знаетъ и находитъ грудь своей матери“; не похожъ онъ и

на „ощущеніе здоровья, являющееся послѣ перенесенной болѣзни“; протестантскій „инстинкт“, протестантское „ощущеніе здоровья“ свойственны каждому человѣку, каково бы нравственное настроеніе и достоинство его ни было; есть они даже у каждаго животнаго существа; а истинно-религіозный „внутренній опыт“ или личныя внутреннія переживанія религіозныхъ истинъ есть благодатный даръ, получаемый христіаниномъ отъ Бога, и только христіаниномъ *любящимъ* Бога; единеніе съ Богомъ, откровеніе Его человѣку, сообщеніе извѣстныхъ благодатныхъ даровъ дается только тому, кто искренно и усердно ищетъ того,—не желаніемъ, не словами только, а самымъ дѣломъ. Говорятъ, что это внутреннее переживаніе есть „мистицизмъ“. И протестантское „озареніе отъ Св. Духа“ есть тоже мистицизмъ, но это мистицизмъ пустой, болѣзненный, порожденный человѣческою самонадѣянностію, фантазіей, мечтательностію; это—и квіетизмъ, порожденный пустою самоувѣренностію, что Духъ Святой каждаго все-равно озаритъ. Истинныя религіозныя переживанія человѣка есть нѣчто болѣе нормальное, болѣе естественное и высокое въ человѣкѣ, какъ образъ своего Творца. Мистики все ищутъ Бога, стремятся войти въ общеніе съ Нимъ; но въ какую форму выливается это стремленіе у нѣкоторыхъ изъ нихъ,—показываетъ приведенное уже нами мѣсто изъ твореній преп. Симеона новаго Богослова: иной, „стоя на молитвѣ и воздѣвая на небо руки свои и очи свои и умъ свой, держать въ умѣ божественныя помышленія, воображаетъ блага небесныя, чины ангеловъ и обители святыхъ;... но при этомъ мало по малу начинаетъ кичиться въ сердцѣ своемъ, самъ того не понимая; ему кажется, что дѣлаемое имъ есть отъ благодати Божіей въ утѣшеніе ему“¹⁾; есть мистики, которые не

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 180—181.

ждутъ откровенія, какъ особой милости отъ Бога, а считаютъ себя вправѣ своими усиліями достигнуть его, и вѣтъмъ воображаютъ, что они достигаютъ его, что оно уже давно имъ,—успокоиваются и пускаются въ долгиа, пустыа мечтанія о предметахъ небесныхъ; таковъ специфическій характеръ и мистики протестантской Истинный христіанинъ живетъ не такую жизнью; въ немъ должна расти не самонадѣянность, а смиреніе; заниматься долженъ онъ не мечтаніями и фантазироваіемъ, а трудомъ и подвигами во славу Божию и для дѣла своего самоусовершенствованія; и еслибы ощутилъ въ себѣ особое присутствіе Божества, особое откровеніе Божіе, не долженъ успокоиваться, а дальнѣйшимъ исполненіемъ воли Божіей стараться быть достойнымъ милости своего Творца; этимъ онъ покажетъ, что онъ образъ Божій, что онъ осуществляетъ въ себѣ и подобіе Божіе, что его жизнь есть именно жизнь въ Богѣ, какова и должно жить разумно-свободное существо.

Мы начали съ того, что есть два пути въ дѣлѣ изслѣдованія истинны религіозной—путь умозрительный, раціональный, научный, теоретическій, и путь опытный, нравственный, практический. То же должно быть и заключеніемъ всѣхъ нашихъ разсужденій. Безспорно, нравственный, практический путь или внутренній религіозный опытъ есть *первый* способъ изслѣдованія и апологии религіи христіанской; *первый* онъ *по времени*, потому что научныа системы христіанской апологетики съ цѣлыми серіями раціональныхъ доказательствъ составляютъ произведеніе уже позднѣйшихъ временъ: въ начальные вѣка христіанства знали апологию по преимуществу нравственную; — *первый* этотъ способъ и *по убѣдительности*,—для чего достаточно нашихъ прежнихъ разсужденій. Впрочемъ нельзя лишать своего значенія и *второго* способа апологии христіанства—апологетики *научной*, теоретической. Вѣдь христіанство не есть что либо только внутреннее, субъективное; это—не только вѣра, не только

новая жизнь, принесенная намъ Христомъ; это—и внѣшній, историческій, объективный фактъ—явленію Бога во плоти и искупленію насъ Сыномъ Божиимъ. А отрѣшиться отъ этой исторической стороны христіанства никакъ нельзя: только протестанты способны ссылаться на внутреннее озаренію человѣка отъ Св. Духа и въ надеждѣ на это озаренію къ евангельской исторіи относиться какъ угодно—принимая ее въ какихъ угодно частяхъ или и советѣмъ отвергая. Только протестантскіе рационалисты способны построить христіанство безъ Христа Сына Божія. Безъ историческихъ фактовъ—явленія Бога на землѣ, страданій, смерти, воскресенія и вознесенія Сына Божія христіанская религія лишается всего своего значенія; на этихъ фактахъ она и стоитъ, съ ними она и связана: христіанинъ долженъ вѣрить не только въ Бога, но и въ посланнаго Имъ Иисуса Христа ¹⁾, въ Его дѣло, въ искупленіе Имъ рода человѣческаго; а воскресеніе Иисуса Христа изъ мертвыхъ—это такая истина, что если ее отвергнуть, то *тщетна* будетъ и *вѣра* наша ²⁾. Воплощеніе на землѣ Сына Божія, Его страданія, смерть, воскресеніе—все это догматы, т. е. непреложныя истины вѣры нашей, безъ исповѣданія которыхъ нельзя спастись; и эти догматы—не измышленіе человѣческаго ума, не какія нибудь отвлеченныя формулы, а выраженіе всего того, что было въ дѣйствительности и записано въ Писаніи, какъ въ исторіи; и предлагается все это человѣку, какъ готовый уже матеріалъ. Вѣдь на чемъ создается и та новая жизнь, которая принесена намъ Христомъ? откуда она взялась? Конечно, отъ того, что Христосъ Спаситель искупилъ насъ, избавилъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти и вложилъ въ человѣческое существо дѣйствительно *новую* жизнь, свободную отъ того, что причинилъ человѣку грѣхъ. И

¹⁾ Иоан. 14, 1; 17, 3.

²⁾ 1 Кор. 15, 14.

воздѣ въ мірѣ — ничтоженъ бываетъ фактъ, если за нимъ нѣтъ доброй идеи; но эфемерна бываетъ и идея, если подъ нею нѣтъ реальнаго факта. Если же внутренняя сторона христіанства усвоится больше всего путемъ переживанія въ себѣ новой христіанской жизни, то указанные внѣшніе реальные факты, внѣшняя, историческая сторона христіанской религіи принадлежитъ къ числу такихъ теоретическихъ истинъ, которыя усвоятся путемъ объективнаго научнаго изслѣдованія, подобно каждому историческому факту, который научно можетъ быть точно изслѣдованъ, установленъ и доказанъ, и притомъ не только вѣрующими въ него, но и сомнѣвающимися, и невѣрующими, и самими врагами его; этого преимущества *научной* апологіи христіанства нельзя забывать. Оба пути изслѣдованія и апологіи христіанской религіозной истины, такимъ образомъ, нужны; оба они, каждый на своемъ мѣстѣ, важны. Довѣриться только внутреннему религіозному опыту, пренебрегая разсудочнымъ изслѣдованіемъ истинъ вѣры нашей, для иного значило бы подвергнуться опасности впасть въ субъективизмъ, лишитъ себя внѣшняго, объективнаго критерія своихъ религіозныхъ переживаній; а критеріемъ такимъ научное, теоретическое изслѣдованіе христіанства можетъ быть уже потому, что законы разума, законы логическіе у всѣхъ людей одни и тѣже. Съ другой стороны, опереться на однихъ теоретическихъ доказательствахъ истинности христіанства значило бы впасть въ раціонализмъ и совершенно не познать того, что такое христіанство по существу, какъ жизнь искупленнаго Христомъ челоуѣка въ Богѣ и во Христѣ. И внутренній религіозный опытъ и теоретическое изслѣдованіе христіанства должны составлять одно, какъ одно и само христіанство и во внѣшней и во внутренней своей сторонѣ: теоретическое изслѣдованіе христіанства даетъ объективный устой нашей вѣрѣ, оно доказываетъ, устанавливаетъ, раскрываетъ внутренній смыслъ предметовъ

этой вѣры, приводитъ ихъ въ единство и согласіе между собою, уясняетъ безотчетныя иногда требованія нашего сердца, можетъ предохранить и отъ ошибокъ; а внутреннее переживаніе въ себѣ религіозныхъ истинъ даетъ нашей вѣрѣ полноту, глубину, силу и живость; предметы этой вѣры отъ переживанія ихъ въ себѣ становятся для насъ истинами понятными, конкретными, очевидными и убѣдительными.

С. Песоцкій.